

К.А. ФЕДОСОВА
(Москва)

КОМПОЗИЦИОННЫЙ СТРОЙ ПАСТУШЬИХ ОТПУСКОВ

Несмотря на то что в последнее время рукописная заговорная традиция исследуется всё более активно, пастушеские отпуска остаются относительно малоизученной и, можно сказать, маргинальной темой.

Отпуск — это объемный рукописный заговор, использующийся на Русском Севере профессиональными пастухами в обряде первого выгона скота¹. Всего в нашем распоряжении 61 опубликованный отпуск и около 20 текстов из архивных записей (Архив лаборатории фольклористики Института филологии и истории РГГУ). Самая ранняя рукопись датируется XVIII в., самая поздняя — второй половиной XX в. (к этому времени практически угасает, за редкими исключениями, и сама традиция). Тексты неоднородны: в «старших» публикациях отпуск предстает как развернутый заговор, занимающий не одну печатную страницу, с проработанной образной системой и богатой стилистикой; в поздних архивных записях наряду с несколькими более полными вариантами встречаются и совсем короткие, зачастую включающие разрушенные фрагменты и выполняющие функцию магической абракадабры. Различается и степень адаптации их публикаторами: в большинстве случаев изменения коснулись знаков препинания и орфографии; есть случаи и более серьезной правки (реконструкция темных мест, пропуски «типичных», по мнению издателей, формул).

В нескольких случаях вмешательство оказалось особенно серьезным: текст

отпуска подвергся произвольной разбивке на абзацы или отдельные части. Это произошло потому, что публикаторы восприняли отпуск как «коллекцию» самостоятельных скотоводческих заговоров, собранных под одной обложкой. При этом в «монографическом» типе публикации (издание = один заговор) исходный порядок следования частей, скорее всего, был сохранен (см., например, [Модестов 1868; Герасимов 1896]). Но в составе сборника заговоров части отпуска могли быть разбросаны по разным рубрикам, так что восстановить первоначальный вид текста оказывается весьма непросто (а порой и невозможно). Например, в сборнике «Русские заговоры и заклинания» фрагменты одного и того же отпуска попали на правах самостоятельных заговоров в разные разделы, посвященные скотоводческой магии, и получили порядковые номера [РЗиЗ 1998, № 1105, 1167, 1169, 1177, 1183, 1196, 1197]. Соотнести их друг с другом оказалось возможным благодаря некоторым ярким особенностям образной системы, объединяющим несколько фрагментов. Остальные части «нашлись» по указателю исполнителей — очевидно, что он один и тот же у всех указанных номеров. С аналогичной проблемой мы столкнулись, работая с коллекциями Н.Н. Виноградова и П.С. Ефименко, где № 5—7 и 2—4 соответственно являются одним текстом [Виноградов 1908, № 5—7; Ефименко 1877, № 2—4]. В подобных ситуациях восстановить последовательность частей возможно только по архивным источникам, естественно при условии, что разбивка не была допущена уже на этапе архивации текста.

В науке обсуждался вопрос о том, что такое отпуск — один текст или комплекс заговоров. Так, А.Г. Бобров и А.Е. Финченко, говоря о публикуемой ими рукописи отпуска, уверены в том, что отпуск является целостным текстом: «Сложившееся первоначально представление о том, что в Сдв (северодвинской рукописи, опубликованной в этой же статье. — К.Б.) содержится 20 отдельных заговоров, было поколеблено в процессе сопоставления Сдв с подобными текстами в рукописных источниках — архивных и опубликованных. Оказалось, что в це-

¹ Данная формулировка не претендует на определение, это лишь общее описание. Вообще слово *отпуск* имеет более широкое значение: «“Отпуск” — синкретическое понятие, в которое входит и комплекс магических действий пастуха, и набор используемых при этом ритуальных предметов, и произносимые им заговоры, и обязанность для него следовать определенным нормам поведения» [Бузин 2000, 7].

лом ряде рукописей встречаются аналогичные комплексы заговоров, в значительной степени совпадающие между собой по набору и последовательности компонентов. Этот факт привел нас к предположению, что сходные комплексы заговоров, содержащихся в Сдв и других рукописях, можно рассматривать как единое целое...»² [Бобров, Финченко 1986, 144–145]. Другие исследователи, посвящавшие отпуску статьи, также исходили из его единства и законченности (см. хотя бы [Мороз 2001; 2002; Ведерникова 2004]). Многие публикаторы, наоборот, считали отпуск сводом текстов (см., например, заговор, опубликованный в сборнике «Русские заговоры и заклинания»).

Почему же могли возникнуть разные мнения по такому, казалось бы, однозначному вопросу? Ответ связан с самой природой отпуска. Чтобы понять это, нам потребовалось проделать специальную текстологическую работу. Первый этап был связан с необходимостью найти единицу измерения — «простейшую повествовательную единицу», «наименьшее кратное» текста. Классическим фольклористическим решением этой проблемы является выделение мотива³ (см., например, [Веселовский 1940; Пропп 1969]). Действительно, с одной стороны, «данное понятие остается совершенно необходимым для фольклористов и вообще для исследователей традиционной словесности, обойтись без него не удастся ни при семантическом, ни при сюжетно-композиционном анализе» [Неклюдов 2004, 236]. Но, с другой стороны, сегодня само употребление этого термина может создать проблему — слишком уж по-разному понимают его исследователи. В силу этих причин мы кратко оговорим его значение.

Общее определение мотива достаточно расплывчато — это «относительно самостоятельный, заверченный и относительно элементарный отрезок сюжета» [Путилов 1975, 143]. Границы поня-

² Забегая вперед, обратим внимание на то, что речь идет не о единообразной четкой композиции, а лишь об «аналогичных комплексах заговоров».

³ Здесь и далее мы имеем в виду, главным образом, эпический мотив.

тия и свойства явления начинают яснее проступать в ходе непосредственной работы с текстом. Помимо завершенности и элементарности мотив характеризуется устойчивостью как на уровне «обозначающего», так и на уровне «обозначаемого»: мотив тяготеет к использованию типовых формул⁴ для выражения «некоторого набора коллизий, ситуаций, отношений, событийных эпизодов, временных и пространственных континуумов, психологических состояний, которые составляют постоянный, устойчивый арсенал эпоса» [Там же, 144]. Важно, что «устойчивый арсенал» будет серьезно различаться в зависимости от того, имеем ли мы дело с эпосом, как Б.Н. Путилов, или с лирикой, или с заговорами.

Таким образом, работа с отпусками с необходимостью потребовала выявить состав этого «арсенала» или, иными словами, обозначить корпус характерных для отпуска мотивов. На основании всех имеющихся в нашем распоряжении текстов отпусков были выделены устойчивые элементарные единицы текста. При этом выяснилось, что часть мотивов встречается устойчиво и регулярно (более двух раз), часть же имеет окказиональный характер — эти элементы удовлетворяют критериям выделения мотива лишь частично: при явной самостоятельности и завершенности они (в нашей подборке) имеют не более одного варианта. Забегая вперед, оговоримся: все списки с одного протографа мы считаем за один текст. Устойчивые мотивы составили корпус «основных» для отпуска.

Дальнейшая аналитика касалась собственно композиции. Мы попытались выявить характерную последовательность специфических для отпуска мотивов. Причем рассматривалась как последовательность в общей структуре отпуска (место мотива в отпуске), так и последовательность мотивов друг относительно друга (цепочки мотивов внутри отпуска). Эта

⁴ Отметим здесь специально, как будет трактоваться соотношение терминов «мотив» и «формула»: формула имеет отношение только к внешней стороне, «обозначающему» — через нее проявляется в тексте определенное семантическое содержание. Мотив же оказывается аналогичным знаку: он объединяет форму и содержание.

работа позволила, в частности, выделить разные варианты одного и того же мотива. Вывод о том, что несколько схожих элементов представляют собой варианты одного мотива, был сделан на основании их распределения (дистрибуции) в текстах и семантико-функциональной близости. Вариантами назывались мотивы, близкие в отношении семантики, функции и/или формы выражения (в тех случаях, когда мы имеем дело с десемантизированной формулой), регулярно встречающиеся в одной и той же комбинации.

Приведем список основных мотивов, являющийся результатом этой работы, с кратким описанием и примерами. Буквами обозначены варианты мотивов, выделенные, как мы указали выше, на основании их распределения в текстах. Цифрой со звездочкой обозначен самостоятельный мотив, хотя и встречающийся три раза, но явно связанный с предыдущим и последующим и используемый в качестве своего рода промежуточной вставки. Мы не присвоили ему собственного номера, чтобы не нарушать целостности цифровых мотивных схем зачинов и придать им большую наглядность. В качестве примеров выступают не цитаты из конкретных текстов, а формулы в обобщенном виде.

0. Молитвенное обращение, обычно в виде более или менее канонической молитвенной формулы, например: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.*

1. Заговорный зачин, традиционный для заговоров мотив отправления в путь: *Встану я помолясь...*

2. Мотив «чудесного одевания»: *Умоюсь я зарею, обтычусь частыми звездами...*

3. Мотив обращения к святым: *Помолюсь и поклонюсь Господу Иисусу Христу, Матери Пресвятой Богородице...* (далее следует перечисление святых — адресатов обращения).

3*. Мотив сотворения Господом неба и земли, первого человека: *Ты, Господи, сотворивый небо и землю и славный святой океан-море, праотцев наших Адама и Еву и меня многогрешного раба Божия...*

4. Апотропеический мотив. Он существует в нескольких вариантах. Его общая семантика — превентивная: скот оберегается от возможных напастей.

а. Обращение к святым с просьбой укрыть ризой/крестом: *Закройте и закройте меня, р. Б., и мой скот своими нетленными ризами...*

б. Обращение к святым с просьбой об ограде: *Научите и благословите огороду становить, оборону учинять...*

с. Взятие скота на руки: *Емлю я на руки свой скот...*

5. Мотив возведения тына (стены, ограды, столба, огненной реки): *Поставь, Господи, тын медный, стену каменную...*

6. Мотив замыкания ограды замком, ключ от которого относят:

а. на небо;

б. в море, щуке под камень.

7. Мотив невозможности выполнить действие:

а. *Как седьмого неба/замка, унесенного на седьмое небо, никому не увидеть, так бы звери не видели моего стада.*

б. *Как моря не высушить и ключи от замка (брошенного в море) не добыть, так моего стада не добыть.*

8. Мотив «скрывания» скота: *Кажись, мой скот, при воде водой, при траве травой, при камени камнем.*

9. Мотив созывания коров к дому. Этот мотив состоит из нескольких формул уподобления, но в силу их функционально-семантической и структурной идентичности мы объединяем их в один мотив: *Как муравьи к мурашу собираются, как быстрые реки стекаются, так и мой скот шел бы домой.*

10. Мотив «присушивания» стада к пастуху: *Сколь жарко и ярко горят огни горящие, так жарко и ярко горело бы у всякой скотины сердце по р. Б. пастухе.*

11. Апотропеический мотив укрывания «нетленной ризой» Богородицы (архангелов, святых): *...укрывает и ограждает меня, р. Б., Пречистая Богородица свою нетленную ризою...*

12. Просьба к Господу послать на помощь «тридевять кобелей» с тем, чтобы они прогнали всех потенциальных вредителей: *Пошли, Господи, злых лютых кобелей с острыми зубами, с железными когтями, чтоб прогнали из моей поскотины диких зверей.*

13. Мотив отгона вредителей и/или хищников: *...а подите вы, черные звери, с моей поскотины за черное море, на Фавор-гору, здесь вам нет питера-едера...*

14. Мотив насылания вреда/порчи на вредителя — того человека, «кто на меня зло помыслит». Ему угрожают:

а. *Тому человеку море вычерпать, хвою позобать.*

б. *Тому человеку очи со лба, жилы выворотило бы.*

15. Мотив закрепления заговора, завершающий «классический» заговорный текст: *Во веки веков, аминь, аминь, аминь.*

Сравнивая последовательность мотивов в имеющихся в нашем распоряжении отпусках, мы убеждаемся в том, что *единообразной композиции, к которой можно свести все тексты, не существует.* Тем не менее можно выделить несколько тенденций, которые следует рассматривать как особенности композиции отпуска.

Композиционные особенности отпуска: зачин, заключительная часть отпуска.

Сравнивая варианты, легко заметить, что зачин оказывается наиболее устойчивым. Чем дальше, тем существеннее становятся изменения: перестановки, выпадения и вставки мотивов, изменение их объема, тогда как состав и последовательность начальных мотивов регулярны. Можно говорить о типовом зачине отпуска, который в самом полном виде включает мотивы 0→1→2→3→3*⁵. В принципе, подобный зачин типичен для заговоров на Русском Севере, но, думается, для отпуска «каноничность» зачина особенно значима. Здесь характерное начало получает особый семиотический статус, так как именно оно позволяет отделить отпуск от предшествующих ему заговоров (другие маркеры — пробелы, заголовки и пр. — в объемных рукописях часто отсутствуют), а также выделить общее начало текста, состоящего из фрагментов, каждый или почти каждый

⁵ Всё же при этом мы должны оговорить, что мотив 2 («*облаком одеюсь, частыми звездами отычусь*») не всегда входит в состав зачина, а мотив 3* нужно назвать скорее окказиональным, нежели регулярным. Однако если указанные мотивы встречаются в тексте, то всегда в той последовательности, в какой они даны в списке основных мотивов, т.е. только в составе зачина.

из которых завершается заговорной закрежкой (обычно — *Аминь*), как бы претендуя на самостоятельность⁶.

За зачином следует один из вариантов мотива 4 или мотив 5. Дистрибуция этих мотивов связана с более или менее развернутой цепочкой мотивов зачина. Соответственно, отпуск обычно начинается так: 0→1→2→3→3*→4 — или: 0→1→3→5.

Заключительная часть не обладает такой устойчивостью, как зачин, но на фоне ядерной части, которая может быть представлена самыми разными комбинациями мотивов, она оказывается более строгой и избирательной. К ней тяготеют мотивы 9 и 14. Если текст включает оба мотива, то они располагаются в последовательности 9→14→15.

Прочие мотивы свободно «перемещаются» в тексте. Во всяком случае, имеющаяся в нашем распоряжении подборка не позволяет проследить для них аналогичных закономерностей.

⁶ В качестве неоднозначной, но, на наш взгляд, интересной типологической параллели отметим еще один вид письменных скотоводческих заговоров, где начало текста выступает в аналогичной функции, оказываясь маркером всего текста. Речь идет о «заявлениях» лешему о пропаже скотины, в которых начальные слова заговора или даже начальные буквы этих слов «обозначают» целый текст. Н.Н. Виноградов приводит одно из них: «*Бумага к лесовику. Пишу: царю лесному, царице лесной, с малыми детьми; царю земляному и царице земляной, с малыми детьми; царю водяному и царице водяной, с малыми детьми. Уведомляю я вас, что у раба Божьяго (такого-то) потерялась бурая (или какая) лошадь (или корова, или другая скотинина, обозначить с приметами). Ежели найдется у Вас, то пошлите, не мешкая ни часу, ни единой минуты, ни единой секунды. А как по моему не сделаете, буду молиться на вас святому великомученику Божью Егорью и царице Александре.*» Такого рода бумагу или «прошение» пишут, если у кого-либо пропадет какая-нибудь скотина. Пишут на берёсте справа налево (обыкновенно только начало, а остальное договаривают) в трех экземплярах: один привязывают к дереву в лесу, другой зарывают в землю, а третий бросают с камнем в воду. После этого пропавшая скотина должна прийти сама на двор к хозяину» [Виноградов 1908, № 77]. К сожалению, Н.Н. Виноградов не указывает, какая именно часть текста служит «началом».

Регулярные последовательности (схемы) мотивов. В нашей подборке представлено несколько групп текстов, внутри каждой из которых можно выявить достаточно четкую композицию. Выделяются три композиционных типа. Можно с уверенностью предполагать, что заговоры, относящиеся к одному типу, восходят к общему протографу. Рассмотрим их подробнее.

Композиционный тип 1

1) $0 \rightarrow 1 \rightarrow 2 \rightarrow 3 \rightarrow 3^* \rightarrow 4.c \rightarrow [3 \rightarrow 5 \rightarrow 6.b \rightarrow 7.b]$ +
[Шумов 1992, № 55; РЗК 2000, № 413]
 $0 \rightarrow 1 \rightarrow 11 \rightarrow 5 \rightarrow 14.b \rightarrow 10 \rightarrow 3 \rightarrow 5 \rightarrow 13 \rightarrow 15$
[РЗК 2000, № 414]

2) $0 \rightarrow 1 \rightarrow 2 \rightarrow 3 \rightarrow 3^* \rightarrow 4.c \rightarrow [3 \rightarrow 5 \rightarrow 6.b \rightarrow 7.b] \rightarrow$
 $0 \rightarrow 1 \rightarrow 11 \rightarrow 14.b \rightarrow 5 \rightarrow 10 \rightarrow 15$
[Ефименко 1877, № 1]

Под номером 1 объединены схемы двух разных текстов. Схему, аналогичную [Шумов 1992, № 55], имеет [РЗК 2000, № 413]. Под номером 2 приведена схема текста из коллекции П.С. Ефименко, объединяющая два отпуска. Последовательность мотивов почти идентична. Отличия касаются заключительной части отпуска: имеет место перестановка мотивов 14.b и 5 (на схеме они подчеркнуты одинарной линией) и выпадение фрагмента, включающего мотивы $3 \rightarrow 5 \rightarrow 13$ (подчеркнуты двойной линией). Еще один список этого «двойного» отпуска опубликован в [Герасимов 1896].

Взаимоотношения между текстами, входящими в эту группу, дают нам основание утверждать, что при всей целостности отпуска, маркированном зачине, выраженном конце (а также ряде других специфических параметров, не связанных с композицией) «составной» характер отпуска является его принципиальной особенностью. Действительно, анализируя представленные тексты, были ли два отпуска объединены в один или же один развернутый текст путем механических повреждений или по другим причинам оказался «разъединен» на два, и это не случайно. Структура отпуска такова, что он дает возможность как «разобрать» текст на составные элементы,

так и «собрать» его из них⁷. Можно сказать, что публикаторы, представившие отпуск в виде множества текстов, лишь выявили скрытые особенности его структуры и композиции.

Композиционный тип 2

$0 \rightarrow 1 \rightarrow 3 \rightarrow 4.a \rightarrow 11 \rightarrow 5 \rightarrow 6.a \rightarrow 7.a \rightarrow 12 \rightarrow 13 \rightarrow$
 $9 \rightarrow 14.a \rightarrow 15$

[Рыбников 1861, № 26].

В эту группу входят [Ведерникова 2004; Харузин 1889, № 3; РЗК 2000, № 416, № 422; Рыбников 1861, № 26; Модестов 1868; Суеверие 1885]. Судя по набору мотивов, к этой же группе относятся [Виноградов 1908, № 5—7; РЗиЗ 1998, № 1105, 1167, 1169, 1177, 1183, 1196, 1197], но поскольку собиратели (или публикаторы) разбили два этих отпуска на отдельные тексты и мы не можем восстановить порядок следования, то эти варианты ничего не дают нам для анализа композиции⁸.

⁷ Это возможно благодаря целому ряду других структурных особенностей («зааминивание» частей внутри текста, их относительная завершенность и независимость, др.), на которых мы, к сожалению, не имеем возможности здесь останавливаться.

⁸ Конечно, мы можем предположительно восстановить последовательность мотивов на основе общей для этого композиционного типа схемы. Так, для отпуска из сборника «Русские заговоры и заклинания» реконструированный текст будет выглядеть так: *«Встану я, благословясь, пойду, перекрестясь, выйду я в чистое поле. В чистом поле стоит престол, на престоле сидит сам Иисус Христос и Пресвятая Божья Мать. Помолюсь я Господу и матушке Пресвятой Богородице, чтоб они сохранили мою милую скотинку, крестьянскую животинку на все лето и на каждый день. Она бы приходила домой в сохранности. Аминь, аминь»* [РЗиЗ 1998, № 1170]; *«Заклянется (так!) Пресвятой Царь. Сойди, Господи, с небес, святого Илью Пророка на огненной колеснице громой, и страхом, и стрелой громи, чтоб жгло и палило подстрекшего на мою поскотину злых, лютых зверей — медведей и медведиц. Из моей поскотины, посеку моего стада коровьего, бычьего стада казался бы мой скот при лесе — лесом, при болоте — болотом, при воде — водой, при горе — горой, при камне — камнем, при дороге — дорогой во веки веков. Аминь»* [РЗиЗ 1998, № 1177]; *«Как отпуска сего не видят, так бы не видели скота и всей поскотины»*

Композиционный тип 3
 0→1→2→3*→3→4.b→14.a→14.b→9→3→4.b.→
 5→6.a→11→6.a→15
 [Рыбников 1861, № 25].

К этой группе относятся тексты [Рыбников 1861, № 25; Ефименко 1877, № 6; Виноградов 1907, № 70—71; Пастушья заговоры 1891, № 1; РЗиЗ 1998, № 1198]. Два текста ([Майков 1994, № 285] и [РЗК 2000, № 423]) образуют в ней отдельную подгруппу. Они гораздо более развернуты по сравнению не только с остальными текстами этой группы, но и со средним объемом отпуска вообще. Один из них заслужил своим своеобразием отдельного комментария В.Н. Топорова: «...заговор на уход за скотом [Майков 1994, № 285], необычный в ряде отношений и, между прочим, по исключительно большому объему, существенно нарушающему внутреннюю структуру заговора и ритуальной части» [Топоров 1993, 88].

Можно было бы предположить, что в общем для [Майков 1994, № 285] и [РЗК 2000, № 423] протографе оказались объединены два текста отпуска (такое допустимо, как мы увидим, рассматривая следующую группу текстов). Но в нашей подборке нет ни одного, который можно было бы указать в качестве предполагаемого второго текста. Существует и еще один весомый аргумент против соображения о контаминации двух текстов, к нему подводит и наблюдение В.Н. Топорова: вторая часть в [Майков 1994, № 285] и [РЗК 2000, № 423] вряд ли могла бытовать как самостоятельный текст, потому что она не выдерживает даже той относительной композиционной строгости и целостности, которая свойственна другим отпускам. Она состоит из повторенных несколько раз мотивов, причем некоторые из них воспроизводят и развивают мотивы первой части, а другие не встречаются больше ни в каких других текстах. Мы склонны предполагать, что перед нами скорее индивидуальная попытка переписчика

моей дикие звери: медведи и медведицы, серые волки и волчицы, россомахи, во веки веков. Аминь [РЗиЗ 1998, № 1197].

расширить, развернуть имевшийся в его распоряжении отпуск, чтобы усилить его действенность. Такой вывод согласуется с мнением В.Н. Топорова об этом варианте: «...заговор известен из рукописи середины XIX века и представляет собой в значительной степени результат „литературного“ творчества» [Топоров 1993, 88].

Теперь перейдем к сравнению композиционных типов 2 и 3. Приведем более полные схемы, включающие не только основные мотивы, имеющие цифровые индексы, но и окказиональные, обозначенные «X1», «X2». Эти мотивы не включены в список основных, так как туда входят, напомним, только мотивы, встречающиеся более чем в двух текстах.

2. 0→1→3→4.a→X1→11→5→6.a→7.a→
 X2→12→13→9→14.a→15

3. 0→1→2→3*→3→4.b→X1'→14.a→14.b→
 X2'→9→3→4.b.→5→6.a→11→6.a→15

Рассмотрим окказиональные мотивы. X1 соответствует мотиву закрепления заговора, X2 — мотиву «отжигания» диких зверей.

Мотив закрепления заговора в обеих группах имеет одну и ту же структуру — это цепочка формул уподобления. В первом случае она выглядит более христианизированной (приводим обобщенный — полный и ясный — текст): *Сколь крепко и твердо основание земное, Гроб Господень, синий камень в синем море — так и мой заговор*, во втором — более «фольклорно»: *Сколь крепок синий камень в Синем море, черный камень в Черном море, Латырь камень в Латырь море — так и мой заговор*. Как видим, образный ряд различается, но имеет одно общее звено — синий камень в синем море.

Мотив «отжигания» диких зверей — это достаточно разрушенный, темный по вариантам мотив. Его центральный образ — мифологический персонаж, связанный с огнем. В обоих случаях он выполняет одни и те же действия — «жжет», «палит», «отжигает» диких зверей; примечательны различия в его номинациях, но противопоставление «христианизированный — фольклоризованный» со-

храняется. В текстах второго композиционного типа этот персонаж оказывается христианским святым: *Господи, сошли, Господи, с небес святого пророка Илию на огненной колеснице (с огненными стрелами), с громом и молнией, чтобы жег и палил от моей поскотины диких зверей*, — в текстах третьего композиционного типа — мифологическим персонажем: *Есть Огонь-царь, пусть жжет и палит диких зверей от моей поскотины*.

Всё сказанное убеждает нас, что X1 и X1' являются «христианизированным» и «фольклоризованным» вариантами одного и того же мотива (так же как X2 и X2'). Кроме текстов, относящихся к типам 2 и 3, эти мотивы, напомним, нигде не встречаются. Это значит, что заговоры 2-го и 3-го композиционного типов, в свою очередь, восходят к общему протографу.

Казалось бы, несмотря на запутанность вопроса, мы всё же близки к выявлению композиционного инварианта, общего «праотпуска». Но на данном этапе приходится признать свою неудачу — 16 текстов, входящих в группы 2 и 3, не составляют даже четверти от общего числа отпусков в нашей подборке, а остальные три четверти не позволяют сделать сколь-нибудь последовательных выводов о композиционном строе. Исследование традиции отпусков требует гораздо более значительного числа текстов, причем какие-то из недоступных нам записей дали бы новые варианты и самих мотивов, и их цепочек. Но, так или иначе, в исследовании любой ушедшей традиции, тем более письменной, ограниченность числа свидетельств — это неизменная данность.

Целесообразным и конструктивным в такой ситуации нам представляется обращение к проблемам бытования текста. Так, соотношение заговоров 2-го и 3-го композиционного типов заставляет поставить вопрос о том, каким образом и на каком этапе бытования на основе общего праотпуска сформировались два принципиально и последовательно различных варианта. Мы видели, что различия, связанные с характером образов и персонажей в рассматриваемых текстах, носят системный характер. Подоб-

ные примеры можно было бы умножить, если бы это не выходило за рамки темы данной статьи.

Итак, материал рукописной традиции позволяет обращаться к темам историко-литературоведческого характера (связанных с общим протографом, характером списков и т.п.). Но, с точки зрения фольклориста, во главе угла оказывается принципиальный вопрос о *письменной форме бытования как факторе порождения фольклорного текста*, когда даже самый бессвязный и безразмерный текст имеет шанс выжить именно в том виде, в котором он был создан (правда, скорее всего, в единичном или ограниченном числе экземпляров). Особенно плодотворным оказывается сопоставление с устной традицией, где любой текст проходит жесткую проверку на краткость, точность и адекватность породившей его системе представлений. Таким образом, вопросы композиционного строя отпусков на данный момент нельзя считать решенными. Тема требует как новых архивных разысканий, так и продолжения исследования в контексте настоящих проблем фольклористики.

ПРИЛОЖЕНИЕ⁹

Когда выпускают весною первый раз скот, то берут хлеб, ставят на него свечу, которую держал в руке кто-либо из домашних во время утрени в Пасху; свечу зажигают и, держа в руках железо, обходят кругом скота на дворе три раза, читая молитву «Да воскреснет Бог»; а если молитвы не знают на память, то носят с собою. При выгоне скота в лес со всего села есть особая молитва, с которою пастух обходит всё стадо. При выгоне женщины запрещается входить в стадо босяю и простоволосою (с незаплетенными волосами). За такую молитву пастух платит до 6 рублей. Молитва в первый день выгона прячется пастухом в свою трубу под бересто, и тогда трубы своей он никому не дает в руки; а иногда молитва завертывается в тряпку, тщательно обвязывается нитками и хранится у

⁹ Этот заговор относится к композиционному типу 2. Цит. по: [Суеверие 1885].

кого-либо из хозяев в таком месте, чтобы к ней никто не мог прикоснуться рукою.

Встану я, р. Б., благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, далече чистое поле; отцом своим прощен, матерью благословлен. Стану на мать — сыру землю, на восток лицом, на запад хребтом, помолюся я, р. Б., Господу Богу Иисусу Христу сыну Божию и матери Его Богородице Марии, Иоанну Предтечи Христову, Михаилу Архангелу, грозному воеводе небесных сил, св. апостолу Петру и Павлу, св. чудотворцу Николаю и всей небесной силе. Со умилением припадаю и молюся вам, пособите, помогите, благословите, на путь проводите меня, р. Б., с моим животом, от сего дня и во всё теплое лето и до белого снегу. Сокройте, заградите и запретите святыми своими божественными и нетленными ризами, ходяще в моей скотине по лесу, по тропам, по угодьям, в поскотине, меня, р. Б., и мой милый скот, крестьянский живот: коров, быков, малых подтелков, рогатых и колматых, кладаных и некладаных, доморощенных и вновь приведенных, бурых, пестрых, красных и всякую разношерстную скотину, сохраните от черного зверя широколапого и прокидня насылочного, пакостника перехожего, волка, волчицы, красной лисицы, черной соболицы, от рыси и росوماхи, от всякой змеи скорпии, от всякого человека порчельника и пыточника, от всякия силы, от падежа, от пострела, от поветрия, от встречающего и постигающего всякого разного чина людей. Запрещаю, р. Б., и заговариваю свое вышеписанное коровье вышевсильными мольбами, столь сильно и столь твердо, сколь основание земное двинуться не может и сколь крепок гроб Господень во граде Иерусалиме и сколь крепок синь-камень во столь славном море-океане, ни крошится, ни колетя. Столь крепок и жесток буди вышеписанный заговор кругом моего коровьего стада, век по веку. Аминь, аминь, аминь; аминем заключается.

О Пресвятая Госпожа Богородице! Как ты закрывала и заграждала сына своего Господа нашего Иисуса Христа во свя-

том град Вифлееме Иудейством от Ирода, царя безбожного, так ты закрой и загради св. свою ризою нетленную, ходяще в моей поскотине по лесу, по тропам, по угодьям, меня, р. Б., и мой милый скот, крестьянский живот, от черного зверя и проч. сохраняючи. Аминь.

О Пресвятой Царю Господи! Постави, Господи, около моего коровьего стада тын железный, другой булатный, третий медный, четвертую стену каменную вышиною тридевять сажень, и проведи, Господи, реку огненную глубиною до седьмыя бездны, и повели, Господи, вышеписанную стену и тын замкнуть и заложить св. ап. Петру золотыми ключами и оные ключи снести на престол Господен под св. одежду его нетленную. Как сего ключа люди не видят или как мертвого человека люди не видят в земле, такожде бы и зверь не видел моего вышеписанного коровьего стада; казалось бы оно ему при лесе — лесом, при горе — горой, при камне — камнем, при траве — травой. Век по веку. Аминь.

О Пресвятой Царю Господи! Пошли, Господи, святого пророка Илию на огненной колеснице с громом и молниєю, со стрелой кремненной, чтобы испалило в моей поскотине всякого зверя. Пошли, Господи, злых, лютых молодецких кобелей, с острыми когтями, с железными зубами, чтобы прогнали из моей поскотины диких и разнопоименованных зверей. Подите вы, звери, за синее океаном море, на диком лесе тамо вы ешьте зеленую траву и пейте болотную воду, ворочайте-ломайте пеня и коренья, внимайте дикие каменья, а у меня, р. Б., пастыря, нет вам ни еды, ни питья. Век по веку. Аминь.

Как собирается народ православный к звону колокольному, пенью церковному или к отцу духовному, и как собирается народ на освящение церкви Божией, и как собираются муравьи дети к отцу своему муравью со всех сторон, служат ему и слушают его всегда, и как стекаются быстрые реки и малые источники со всей святорусской земли во славное окиян-море, так бы и мой милый скот, крестьянский живот, любимое мое коровье стадо шли бы, плелися, в одно место сходяще, стекающе на трубу мою на закате солнца, в конце и начале, и на

перекрое месяца из лесу, из подскотины (так! — *К.Ф.*), из сенных покосов к домам своим, к хозяевам и хозяйюшкам, шли бы друг за дружкой не отстаючи. Век по веку. Аминь.

Аще кто на меня, р. Б. пастыря, подумает или порчею, или враждебною статею, чтобы ему, порчельнику и пыточнику, в темя язык выворотило бы, подножные жилы рвало бы, выскочили бы очи со лба; чтобы ему, порчельнику и пыточнику, в день и в ночь покоя не было бы и даже до смертного часу. Буди во веки по веку. Аминь, аминь, аминь. Аминем заключается.

Наставление

Сей отпуск говорить три раза на воск ярый, а воск брать от наместной свечи, смешить с шерстью, а шерсть брать с крестцев задних и передних, со лба и промеж ушей; половину воску положить в рог или трубу под бересто, а другую — в воду под камень для того, чтобы скот лучше доил; топор положить острием в землю посреди ворот; ключ на сторону, а замок — на другую; огонь разложить на выходе скота; с образом обойти три раза по солнцу; после обхода поставить образ на место и дать зарок¹⁰, тогда и скот пропускать под образ, на середине оставить три головни; скот пропускать чрез огонь и дым.

Литература

Бобров, Финченко 1986 — *Бобров А.Г., Финченко А.Е.* Рукописный отпуск в пастушеской обрядности Русского Севера // *Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики.* Л., 1986. С. 135—164.

Бужин 2000 — *Бужин В.С.* Традиционное животноводство и животноводческая обрядность Кенозерья // *Традиция в фольклоре и литературе.* СПб., 2000. С. 5—14.

Ведерникова 2004 — *Ведерникова Н.М.* От Егория до Покрова: скотоводческая обрядность на Кенозере // *Актуальные проблемы полевой фольклористики.* Вып. 3. М., 2004. С. 131—140.

¹⁰ Зарок дается разный, например: во всё лето пастух обещается не есть ягод или не брать грибов, не трогать в гнездах яиц птиц, не брать ничего из чужих рук; данный зарок соблюдается очень строго.

Веселовский 1940 — *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л., 1940.

Виноградов 1907, 1908 — *Виноградов Н.Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр. // *Живая старина.* 1907. Вып. 2, прил. С. 25—56; 1908. Вып. 1. С. 1—24; Вып. 2. С. 25—40; Вып. 3. С. 41—64; Вып. 4. С. 65—94.

Герасимов 1896 — *Герасимов М.К.* Молитвы, заговоры и заклинания, записанные в Череповецком уезде // *Новгородские губернские ведомости.* 1896. № 69.

Ефименко 1877 — Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П.С. Ефименком // *Труды этнографического отдела имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.* М., 1877. Т. 2.

Майков 1994 — *Великорусские заклинания / Сб. Л.Н. Майкова.* СПб., 1994.

Модестов 1868 — *Модестов И., священник.* Обходы пастухов // *Новгородские губернские ведомости.* 1868. № 50.

Мороз 2001 — *Мороз А.Б.* Севернорусские пастушеские отпуска и магия первого выгона скота у славян // *Восточнославянский этнолингвистический сборник.* М., 2001. С. 232—256.

Мороз 2002 — *Мороз А.Б.* Пастушеские отпуска на Русском Севере // *Живая старина.* 2002. № 3. С. 48—51.

Неклюдов 2004 — *Неклюдов С.Ю.* Мотив и текст // *Язык культуры: семантика и грамматика: К 80-летию со дня рождения акад. Н.И. Толстого (1923—1996).* М., 2004. С. 236—247.

Пастушьи заговоры 1891 — Пастушьи заговоры Кадниковского уезда // *Вологодские губернские ведомости.* 1891. № 5.

Пропп 1969 — *Пропп В.Я.* Морфология сказки. М., 1969.

Путилов 1975 — *Путилов Б.Н.* Мотив как сюжетобразующий элемент // *Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти В.Я. Проппа (1895—1970).* М., 1975. С. 141—155.

РЗиЗ 1998 — *Русские заговоры и заклинания.* М., 1998.

РЗК 2000 — *Русские заговоры Карелии.* Петрозаводск, 2000.

Рыбников 1861 — *Рыбников П.Н.* Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. М., 1861. Ч. 3—4.

Суеверие 1885 — Суеверие и предрассудки в простом народе (Сообщено редакции из Петрозаводского уезда) // *Олонецкие губернские ведомости.* 1885. № 78. С. 690—691.

Топоров 1993 — *Топоров В.Н.* Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор.* М., 1993. С. 3—104.

Харузин 1889 — *Харузин Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. М., 1889.

Шумов 1992 — Молитвы, заговоры и заклинания на все случаи жизни / Сост. Г. Чагин, К. Шумов, Л. Окулова, М. Иванова. Пермь, 1992.